

Но мнит ми ся, — резюмирует Фома, — и Лва премудрие великий князь Борис Александрович и о чем бо столпы ставя, и никий же успех человеком, но токмо на видение, а великий князь Борис Александрович многы церкви поставе и иже просвещают всякого человека грядущаго в мир...». ³³ Трудно сказать, почему в сознании инока Фомы строительство «красных столпов», т. е., вероятно, колонн в Константинополе, связалось с именем византийского императора Льва-философа («премудраго Лва»). Суть не в этом, а в том, что Фома знает о таких сооружениях, не имеющих, с его точки зрения, никакого практического значения, и он осудительно отзывается о них: «о чем бо столпы ставя — и никий же успех человеком, но токмо на видение!». Другое дело — князь Борис: он строит монастыри, собирая в них «мнихов», и многие церкви, которые служат «просвещению» людей. Можно с осторожностью предполагать, что Фома стоит за поместительные крестовокупольные храмы и не одобряет постройку деревянных (а может быть, и каменных) столпообразных малопоместительных храмов, к которым вел процесс развития русской архитектуры XV в.

Далее, ссылаясь на Иоанна Златоуста, Фома различает три вида «хитрости». «Созидательная хитрость» — это строительство храмов («еже церкви божины многы създаша»). «Зижительная» — это военно-инженерное строительство, создание новых и восстановление старых крепостей («преже запустевшиа грады создаше»). Наконец, «деятельная хитрость» — это хозяйственное строительство («еже села и веси добре строяше»), это, собственно, не строительная, но хозяйственная деятельность вообще. ³⁴

Все эти особенности «Слова» инока Фомы отражают несомненно не его личные интересы и склонности, но практический интерес тверских князей и их зодчих к архитектурным памятникам прошлого, сведения о которых они могли почерпнуть лишь из литературы, из книг.

Все изложенные наблюдения и сопоставления позволяют с большим основанием предполагать, что в практике древнерусского строительства было довольно обычным обращение к литературе в поисках сведений о древних памятниках зодчества. Содержавшиеся в литературных произведениях описания или миниатюры служили строителям и зодчим материалом, расширявшим их кругозор и дававшим дополнительный толчок их творческой мысли. В свою очередь писатели внимательно следили за работой зодчих, не раз пользуясь в своих произведениях архитектурными образами. Так, псковский летописец, описывая ранний ледостав 1479 г. на реке Великой, сравнил остроугольные нагромождения льдин с ломким силуэтом хором: «лед стал наборзе, не ровен, как хоромы». ³⁵ Два столетия позже великий русский реалист XVII в. протопоп Аввакум, пораженный суровым скалистым пейзажем берегов «Байкалова моря», сравнивал его с архитектурой: «около его горы высокие, утесы каменны и зело высоки... Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменныя и дворы — все богоделанно». ³⁶ Естественный «бого-

³³ Н. П. Лихачев. Инока Фомы Слово похвальное... стр. 11—12.

³⁴ Н. П. Лихачев. Инока Фомы Слово похвальное... стр. 27.

³⁵ Псковские летописи, в. II. М., 1955, стр. 218; в варианте еще выразительнее: «в третий ряд стала река и сварачало лед кринь емь великим акы хоромы» (там же, стр. 58) Если понимать термин «криньем» как разновидность слова «крин» — лилия, цветок, то в этом варианте текста можно видеть указание на какие-то криволинейные формы в хоромном деревянном строении, может быть, типа «бочки».

³⁶ Житие протопопа Аввакума. М., 1934, стр. 110—117. Интересно, что почти такими же словами двумя столетиями позже описывал горный ландшафт Южной Африки И. А. Гончаров: «... видишь точно целый город с обрушившимися от какого-